

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю.Ю. Карпов. Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера, 1996. – 312 с.;

Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 414 с.

Выход в свет книг известного этнографа Ю.Ю. Карпова – замечательное событие в кавказоведении. Оно замечательно прежде всего самым замыслом осветить в первой монографии «мужское пространство», во второй – «женское пространство», в традиционном семейном и общественном быте народов Кавказа.

Монография «Джигит и волк» посвящена одной из важнейших сторон традиционного общественного быта горцев Кавказа – мужским союзам и объединениям. Можно сказать, что обильная литература по теме мужских объединений на Кавказе имела больше эскизный характер. Недоставало общего полотна сравнительного анализа по региону с вычленением универсалий и особенностей, скажем, по этнокультурным зонам Кавказа. Не было вместе с тем и системного анализа института мужских объединений с точки зрения их генезиса и «социально значимых функций» (по терминологии автора) этих объединений в формировании горско-кавказского общества. Обе эти задачи, поставленные автором, успешно решаются в монографии. Нужно отметить обилие фактического материала, широту привлекаемых источников и литературы. В поле зрения автора не только Кавказ, но и Средняя Азия, славянский мир, древности. Каждая из глав, освещающих избранные аспекты, – это целый свод данных по изучаемой культуре, скрупулезно собранных, систематизированных и профессионально осмысленных.

Первая глава «Мужчина и его мир в контексте культуры» дает общие представления о месте мужчины в социуме, жестком разграничении мужских и женских ролей. По оценке автора, это ограничение представляет собой схему, в которой микрокосм женщины составляет ее собственный дом, очаг; для представителей же мужского пола микрокосмом служит община в целом. Специфика, изначально присущая социальной модели поведения мужского населения, делает мужские корпоративные группы более дееспособными в микрокосме общественного и надобщинного уровней. Этим они отличаются от женских групп, которые, как свидетельствует автор, складываются в системе общинных связей, и их внешняя схожесть с мужскими группировками, дублирование структуры и функций последних часто объяснимы подражанием в различных регионах Кавказа.

Дихотомия мужского и женского начал находит выражение, как явствует из материалов, представленных в монографии, практически во всех сферах культуры и быта народов Кавказа, имея при этом и конкретное символическое выражение. Параллельные девичьи сообщества автор полагает менее значимыми, констатируя, что специфика хозяйственно-экономических, общественных и культурных функций двух частей социума «не делает их равноценными в системе общественных связей». Автор утверждает, что вообще деление «мужское – женское» на Кавказе входит в систему координат как «правая – левая» или «вверх – вниз». В главе затрагивается также весь набор важнейших элементов культуры детства и воспитания на Кавказе, которые «подготавливают» юношу для вступления в мужские дома и объединения.

Вторая глава «Этнографические реалии и ретроспективы» воссоздает картину мужских объединений в отдельных регионах Кавказа: в Дагестане, горной Грузии, Северном Кавказе. При этом автор отмечает, что формы мужских союзов у горцев Кавказа в поздний исторический период отличались от классических вариантов данного института, известных по океанийским, африканским, американским, азиатским материалам.

Наиболее развернуто показаны мужские объединения на примере Дагестана, где при видимом многообразии региональных оттенков автор находит монолитную единую линию мужских объединений как общего структурообразующего элемента в общественно-политической жизни. На примере дагестанских мужских объединений можно видеть, что эти объединения имели свои определенные параметры и атрибутику, стройную организационную структуру, отлаженную систему материального обеспечения

и такой же отлаженный порядок жизнедеятельности. Членство в союзе обеспечивало мужчине активное участие в жизни общины. Общество же рассматривало данный институт, как отмечает автор, в качестве важного звена системы социализации личности, обеспечивавшего через собственную систему ввод индивида в сплошную структуру общественных связей (С. 32–33). Особенно ярко это представлено на примере сел. Кубани. Не менее интересным является сюжет о хевсурских мужских объединениях и о хевсурском *сапехно* – этом своеобразном мужском клубе, аналогичном *годекану*. Признаки мужского дома на Северном Кавказе автор выявляет и в другом общественном явлении, а именно – *кунацкой*, имевшей повсеместное распространение на Северном Кавказе и Абхазии. Кунацкие являлись, как отмечает автор, прямым выражением кавказского гостеприимства, и они же играли особую роль в жизни мужской молодежи.

Юноши и неженатые мужчины любили собираться в кунацких. Сеть кунацких, разбросанных по селению, материализовала нормативные связи, взаимные обязательства мужского населения общины. Кунацкие подобно звеньям цепочки формировали единую замкнутую систему этих связей (С. 69). Автор фиксирует на Кавказе две модели мужского общественного центра. Первая модель – это *годекан*, *ныхас*, *сапехно* и т.д., которые в исламизированных регионах часто сопряжены с мечетью, вторая – *кунацкая*. Однако при этом делается весьма существенное замечание, что ни одна из них в поздний период не была тем универсальным мужским домом, какой известен на примере меланезийских, африканских и других мужских домов. Более того, в условиях значительной социальной стратификации общества, наблюдавшейся у ряда народов Северного Кавказа в XVIII–XIX вв., вышеуказанные институты – *кунацкая*, *ныхаса* – стали компонентами культуры, атрибутами образа жизни сословий «благородных» и «неблагородных».

Так называемые мужские союзы были прежде всего объединениями молодежи, и по большей части холостой молодежи, которой свойственна любая манера поведения, любая молодежная субкультура. Однако создается впечатление, что автор пытается приписать любым формам сообществ их тождество с институционализированными и долго действующими объединениями.

Особо хочется отметить исследованный Ю.Ю. Карповым шайтлинский праздник игби, впервые им детально, полно и профессионально описанный и изученный. Конечно, игби – это новогодние мистерии, и связаны они с древними представлениями о столкновении демонологических сил в пору солнцеворота и т.д. Семантика обрядов и персонажей, видимо, еще будет выясняться, но, безусловно, что *игби* вписывается в контекст мужских объединений. Все эти мистерии носят откровенно театрализованный, инсценировочный характер и игровую, зрелищную форму. В контекст мужских объединений внесены также *годеканы*, *ныхасы*, *сапехно* и другие сборы, являющиеся будничными, ежедневными собраниями, связанными с общинным бытом и управлением, а не игровыми или инсценировочными институтами. Можно задуматься над тем, как в адыгских «братствах» затушевывается классовая стратификация, тогда как в почти однородных мужских обществах и объединениях Дагестана непременно воссоздается весь спектр иерархического строя. Память о прошлом? Моделирование будущего? Словом, работа настолько интересна, что можно говорить о ее каждой богатой материалами и мыслями странице.

И наконец, хотелось бы остановиться на одном штрихе общей концепции – на «военизированном» быте кавказских горцев, столь тщательно на материалах мужских объединений демонстрируемом автором. При таком основательном высвете всех форм мужских объединений на Кавказе как бы в единичном потоке и взаимосвязи «во времени и в пространстве» трудно уйти от кажущейся очевидности заключений квалификационного порядка. Имеется в виду оценочный подход к общественному строю горцев как военно-демократическому. Такое определение, может, и было бы допустимо, если бы его содержание не подвергалось полной аберрации вследствие попыток привязки, определения к конкретным обществам не сопоставимо различных уровней культур и цивилизаций вначале как «военно-демократическими» определялся античный мир (Ф. Энгельс). Греческие полисы были, как известно, хорошо военизированы, но больше для защиты своих гражданских общин, своих «демократий», а не для военной экспансии. Затем этнографы, главным образом советские, сошлись на том, что военно-демократический строй – это некий этап послеродового (или первобытно-общинного) строя накануне классового образования и во времена их военно-политической экспансии (М.О. Косвен). Согласно этому взгляду, военная экспансия, т. е. походы за добычей, – основная, если не единственная форма жизнеобеспечения. В качестве примеров

указывалось на германские племена времен Тацита или на варягов X–XII века. По отношению к Кавказу определение военно-демократического строя не применялось по вполне понятной причине – Кавказ экономически был самодостаточен, включая и горцев, овцеводство которых всегда изобиловало поголовьем и компенсировало недостаток земледельческого продукта, не говоря о ремеслах, торговле и т. д. На Кавказе сложились различные по формам, но единые по существу политические образования. Горцы жили согласно законам, а не в виде свободных насельников, которые только и занимались набегами и т. д. В этих вопросах у кавказоведов из всех научных центров нет сомнений за исключением как у осетинского историка М.М. Блиева и грузинского историка В.Н. Гамрикели. Сказанное не означает, что кавказцы, особенно от мужских объединений, не ходили в набеги, ходили, как ходили и на Кавказ (военная экспансия соседних держав Персии, Турции, Золотой Орды и т.д.). Военная организация кавказских обществ имела функции защиты, а не завоеваний.

Мы сейчас начинаем понимать, что суть не в тех или иных квалификационных дефинициях и в формационных оценках, а в современных культурологических подходах, что, впрочем, автору удалось в полной мере (мы на этом вопросе и не остановились бы, если бы речь не шла о крупном вкладе в кавказоведение, каковым безусловно является труд Ю.Ю. Карпова).

Вторая монография Ю.Ю. Карпова, изданная спустя пять лет, – «Женское пространство в культуре народов Кавказа» во многом дополняет первую книгу и отражает дихотомию, т. е. полную противоположность (мужчина и женщина) и в то же время единое целое. Как нет мужчины без женщины, так нет и женщины без мужчины. Мужчины и женщины имеют свое социокультурное пространство, в котором они неизбежно взаимодействуют друг с другом. Этнокультурное своеобразие Кавказа позволяет как нельзя лучше высветить и конкретизировать особенности мужского и женского культурного пространства и степень их взаимодействия не без влияния факторов социально-политического, профессионального и другого порядка.

Структура монографии «Женское пространство в культуре народов Кавказа» построена просто и гармонично. Показаны основные этапы жизненного пути женщины, начиная с детства. Первая глава так и называется «Детство и девичество». Надо сказать, что в отличие от предыдущей монографии здесь вся информация черпается из литературных источников, главным образом используются сочинения авторов XIX – начала XX в., и, разумеется, эти сведения весьма разноречивые, нередко даже противоречащие друг другу. Безусловным достоинством монографии в этой связи можно считать непредвзятое и объективное отношение самого Ю.Ю. Карпова к высказываниям различных авторов, к приводимым сюжетам, и в то же время у него свои позиции, своя оценка. Примечательно, что к некоторым сюжетам, касающимся функционального значения обрядов, Ю.Ю. Карпов вообще обращается впервые, например, в связи с обрезанием у девочек в Западном Дагестане. Однако вряд ли можно сомневаться, что обрезание в Дагестане, особенно у мальчиков, связано прежде всего с исламом (С. 29).

Жизнь девочки на Кавказе можно разделить на два этапа. Переломным моментом в жизни девочек являлось достижение возраста 10–12 лет, с которого размежевание полов становилось более строгим. Детально, шаг за шагом, прослеживает он жизнь девочки: игры, обучение, общение со сверстниками, подготовка к замужеству, развлечения – и все это на богатейшем кавказском материале. Основной лейтмотив всех этих сюжетов – девушка на Кавказе до замужества в достаточной мере свободна, но ее поступки и поведение находятся в тесном соответствии с предписаниями социума.

Глава вторая «Свадьба» посвящена не описанию свадьбы как таковой, а лишь некоторым ритуалам свадьбы, выразительным с точки зрения их особой семантики. Таковыми являются и рассматриваемые в главе сюжеты: покрывало невесты, ритуальное становление женщиной, первая встреча с мужем.

Примерно в таком же ключе написана и следующая глава «Материнство». Моление о ниспослании детей, места и культовые объекты поклонения, столь популярные на Кавказе, роды и т.п. – весь цикл родильных обрядов пронизан знаковостью. Ни одного бессмысленного и ненужного действия – все направлено на благополучие роженицы и ребенка. В контексте сказанного можно рассматривать и приведенные сюжеты о воспитании и социализации детей. Впрочем, автор не ставил себе задачи исчерпывающего исследования темы материнства, отношения матери с детьми, которая сама по себе весьма обширна. Предпочтение было отдано, как отмечает автор, «отдельным характерным явлениям, высвечивающим пространственно-динамические свойства женщины в контексте культуры в этом ее качестве».

Наиболее обширной и объемной по количеству рассматриваемых тем и по содержанию является глава четвертая «Семья и общество». Она вместила в себя практически все общественные и семейные функции женщины: хозяйственные обязанности, роли в календарной обрядности, имущественные права, отношения с мужем, права и обязанности в обществе, религиозность женщины и ее отношение к религии и к различным верованиям. Начинается же повествование с того, что приводятся свидетельства разных авторов относительно положения женщины в той или другой общественной модели. Эти свидетельства, как отмечает автор, «впечатляют разноголосием мнений и служат поводом и основанием для более строгого подхода и интерпретации отдельных фактов и самого строя жизни конкретных социумов». Действительно, есть от чего прийти в замешательство: по свидетельству одних авторов, женщина была забита и занимала приниженное положение, по оценкам других – она была свободна и независима. И с теми и с другими авторами можно бесконечно спорить. Не все так просто. При чтении разных отрывков вырисовываются образы совершенно разных по положению женщин в тех или иных регионах Кавказа: закабаленная хозяйством и мужем горянка, порабощенная обществом мусульманка и свободная женщина западного Кавказа. Впрочем, сам автор не преминул назвать это лишь «условными типажамми беллетристики».

Ни одно из этих свидетельств не давало возможности однозначно сказать, было ли положение женщины хорошим или плохим. Все зачастую зависело от того, «как сама женщина ощущала себя среди окружающих и насколько комплекс ее интересов был сбалансирован с аналогичным комплексом и интересами общества в целом». Здесь, пожалуй, с автором нельзя не согласиться.

Завершает монографию глава «Образы эпоса и истории». Их немного. В первом случае это – Сатаней, а во втором – царица Тамара. Эта глава может служить завершающим аккордом ко всей книге.

В заключение отметим, что Ю.Ю. Карповым проделана огромная работа, привлечен обширнейший материал из разнообразных источников, в обеих книгах продемонстрирована блестящая эрудиция автора. Следует также отметить, что обе монографии прекрасно изданы полиграфически, снабжены интересными иллюстрациями. Это и настоящий подарок всем, кто любит и знает Кавказ, и одновременно весомый вклад в этнографическое изучение народов Кавказа.

М.А. Агларов, Б. Р. Рагимова